

Т Е О Р И Я

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ФЕТИШИЗМ

Не существует универсальных рецептов
социальной революции

Это болезнь, которую анархизм и антиавторитаризм не лечат. Ты можешь быть самым правильным анархистом и при этом жутким организационным фетишистом. Или быть диким авторитарием, но совершенно не страдать от организационного фетишизма. Против него помогает только здравый смысл, и больше ничего. И в первую очередь следует разбираться с признаками заболевания.

Классовость

По определению, организационный фетишизм — это когда путают интересы низовых движений и класса с интересами организации. Организация — средство для отстаивания интересов низовых движений и класса, а не наоборот. Да, взаимная помощь — это не благотворительность, но у организации нет никаких собственных интересов вне интересов низовых движений и класса. Мнимое расхождение может появляться в контрреволюционное время, когда низовые движения настроены на попрошайничество и реформизм, а класс — на индивидуальные обыва-

тельские решения собственных материальных проблем, но активисты должны понимать, что это расхождение исчезает столь же быстро при появления массовых волнений, сколь быстро оно проявляется во время их спада.

Типичный синдром организационного фетишиста — мания величия. Организационному фетишисту не хватает группы, у него должна быть «федерация» или «союз», даже если участников в нем трое. Или лучше всего — «интернационал». Если создание собственного интернационала уже слишком, можно пытаться присо-

единяться к существующим. То, что эти интернационалы сейчас из себя представляют (если вообще представляют), не имеет никакой разницы — главное, славное прошлое и пафосное название.

И после присоединения к интернационалу уже есть чем заниматься — можно вмешиваться во внутреннюю кухню всех местных организаций интернационала, иметь позицию во всех конфликтах по всему миру от мельчайших до крупнейших, участвовать в бесконечных разборках в разных форумах и рассылках, путешествовать на конференции и голосовать о том, кого надо исключить и кого оставить в славной компании. Каждая новая мелкая группа в интернационале становится причиной радости, каждый новый раскол — причиной грусти, и в итоге жизнь наполнена смыслом, совершенно вне зависимости от того, каково реальное положение низовых движений и классовой борьбы.

Вместе с манией величия часто проявляются недалекие взгляды и нетерпимость. Чем больше претензий у «федерации» и «интернационала», тем важнее не впускать туда никого с неправильными взглядами. Чем славнее история организации, тем важнее не пускать туда никого, кто смог бы ее опозорить. Это особенно касается случаев, когда организация когда-то совершала ошибки — если фетишист готов признавать эти ошибки (что бывает нечасто), то ради избегания их повторения готов во многом замораживать организацию в текущем ее состоянии, останавливая любое развитие.

Актуальность

Организационный фетишист может быть анархо-синдикалистом, анархо-платформистом, анархо-син-тезистом, левым коммунистом или представителем еще многих разных школ, но всех организационных фетишистов объединяет непоколебимая вера в то, что одна единственная организационная модель универсальна и способна решать любые задачи везде и всегда. Никакие процессы общественного развития, изменения классовой структуры общества, подъемы или спады протестных движений не могут изменить это. Для фетишиста не организация должна адаптироваться к реальности, а реальность должна адаптироваться к организации.

Флаг, значок и гимн — это, конечно, приятно, но не факт, что имеет что-то общее с классовой борьбой. На самом деле, организационный фетишизм часто возникает, когда человек пытается решать внутренние проблемы самоидентификации.

Естественно, они требуют решения не меньше, чем глобальные, но не следует путать собственные духовные поиски с проблемами человечества. Для организационного фетишиста его организация — его религия. В принципе, прекрасно, когда человек наконец-то понимает, кто он такой и ради чего хочет дальше жить. Но, к сожалению, в классовой борьбе таких решений не бывает, общество находится в процессе постоянного развития, и методы, которые вчера были актуальными, могут завтра такими не являться.

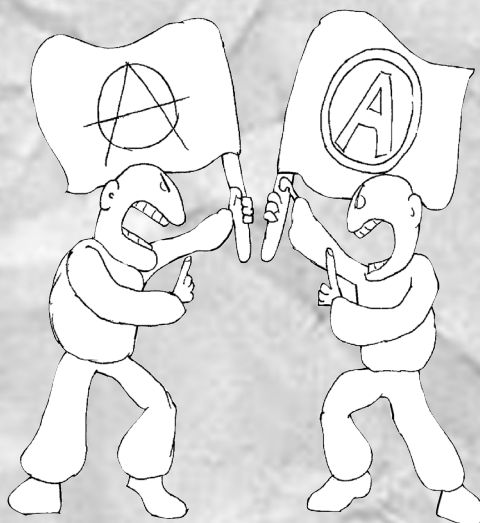
Чем славнее история организации, чем пафоснее ее название, тем вероятнее, что ее рядовые представители являются организационными фетишистами. Естественно, всегда бывают исключения, и в рядах любых анархических и коммунистических организаций можно найти и толковых людей, которые думают собственной головой. Но среди представителей «интернационалов» и «федераций» их поиск всегда требует в два раза больше усилий, чем обычно. Да, интернационалы и федерации доказали свою жизнеспособность как форма организации, поскольку многим удавалось действовать десятилетия, но обычно этот успех достигался благодаря вполне капиталистической логике «создания узнаваемых брендов».

Я не думаю, что, живя при капитализме, мы можем полностью отказаться от его логики, и, к сожалению, для борьбы с брендами нам необходимо создавать собственные... Но человек, которому бренд, слава и имидж важнее содержания — как правило, придурок, и таких придурков в рядах любых интернационалов и федераций уйма — пафосное название их привлекает как дерьмо — мух. И именно это — причина, по которой большинство интернационалов и федераций, если не все, сейчас находятся в совсем печальном состоянии. Например, в Италии, стране, где, скорее всего, самое сильное радикальное левое/социалистическое движение в мире, нетрадиционные ленинисты часто

опережали анархистов именно потому, что не страдали от организационного фетишизма.

Адаптированность

Ленинисты были способны менять формы организации, адаптироваться к ситуации, бросать старые цели в случае потери их перспективности и быстро и эффективно подключаться к новым общественным конфликтам, когда анархисты сидели и плакали, жалуясь на то, что очередное студенческое волнение или рабочий протест не присоединяется к их федерации. Тем не менее, эти ленинисты не стали антиавторитариями. Они часто называют себя автономными мар-

ксистами, но на самом деле у них прежние ленинистские цели — завоевание гегемонии на волне общественных протестов. (Кроме «автономных ленинистов» в Италии, конечно, существуют и вполне антиавторитарные автономные марксисты, но самые дерзкие выходки там, к сожалению, часто совершают именно автономные ленинисты).

Наконец, следует рассказать и об обратной стороне медали — о фетишизме антиорганизационности. Фетишизм антиорганизационности — заболевание, родственное организационному фетишизму, им часто болеют именно те, кто раньше страдал от организационного фетишизма, или кто слишком тесно общался с организационными фетишистами. Главный симптом всюду одинаков — полная уверенность в своей правоте и универсальной применимости своей модели (анти)организации везде и всегда, вне зависимости от внешних обстоятельств.

И часто фетишизм антиорганизационности фактически не отличим от организационного. Например, вместо «федерации» фетишист антиорганизационности называет свою организацию «движением», и он совершенно уверен в том, что благодаря одной только смене названия его структура кардинальным образом отличается от всех остальных. Также ему может быть предельно важно, чтобы метод принятия решений в его группе не был зафиксирован в письменном виде — неважно, что общие решения у нее все равно принимаются определенным образом. Пока этот метод передается новым участникам только в устном виде или путем собственного опыта, его организация никак не организация, а «движение» или еще что-то. Или он совершенно заиклен на методах принятия решений — например, если в группе допускается право вето, то чудесным образом это уже не организация, а что-то совершенно особенное, отличное от всего остального, которое никуда не годится. Но, как правило, эти отличия, которые хвалят фетишисты антиорганизационности, видны только им самим.

Формальность

Фетишист антиорганизационности часто подвержен двойным стандартам и лицемерию — его любимый ярлык — «сектант». Но он защищает свою модель организации с такой же ревностью, как любой фетишистский платформист или анархо-синдикалист. Фетишисту антиорганизационности не проблема присоединяться к электронным рассылкам, форумам и прочим интернет-сообществам. Он не понимает, что любое интернет-сообщество является такой же организацией, как и все остальные; оно является «чисто платформой для дискуссий» только до того момента, когда возникает первый кардинальный спор между участниками, кого подписать или отписать.

В чем-то фетишист антиорганизационности может быть даже хуже, чем организационный фетишист. Организационный фетишист относится к тебе по-человечески по крайней мере до того момента, как ты отказываешься вступать в его интернационал, а фетишист антиорганизационности может вести себя высокомерно и снобски уже при первой встрече с тобой. Как правило, самые элитарные и замкнутые группы создаются именно фетишистами антиорганизационности.

Наверняка где-то есть и фетишисты антиорганизационности без двойных стандартов, возможно, их даже много. Однако я таких не встречал, поскольку найти их сложно — последовательный фетишист антиорганизационности может заниматься только на 100% анонимной пропагандой. Если в листовке или статье есть хоть какая-то подпись или контакт (почтовый ящик, электронный адрес или сайт), это уже самопиар и создание брендов, а для фетишиста антиорганизационности нет ничего хуже, чем самопиар (конечно, за исключением случаев, когда он сам этим занимается). То есть, если где-то и удастся найти творения последовательных фетишистов антиорганизационности, никакой обратной связи с ними не может быть установлено.

Возможно ли лечение от организационного фетишизма и фетишизма антиорганизационности? Естественно, но простых рецептов у меня нет. Главный шаг — понимание того, что нет никаких универсальных рецептов для действий низовых движений и классовой борьбы. Точнее, есть ряд однозначно провальных вариантов, например, система представительства без подотчетности большинству или захват государственной власти, но кроме них есть множество вариантов, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки, и которые применимы в разных ситуациях. Например, в условиях тяжелых репрессий нужны модели, предусматривающие конспирацию — правда, практика советских диссидентов 1960-1980-х годов показывает, что в условиях репрессий «средней тяжести» часто наоборот полная открытость дает самые лучшие результаты. Когда движение полностью маргинально, очень важно продвигать информацию о том, что анархисты вообще существуют, и для этого нужны узнаваемые бренды и их пиар. А когда движение уже хотя бы как-то сложилось, можно больше сосредоточиться на развитии инфраструктуры, а не только на его раскрутке.

Самое важное — понимать не универсальность любых решений. Никто не может точно предсказать, что будет завтра или лет через десять, и тогда подходы, которые ты сейчас считаешь провальными, могут вполне пригодиться. То есть, никогда не следует портить отношения с товарищами только потому, что они решились идти другим путем, поскольку ваши дороги могут снова пересечься. И раньше, чем ты ожидаешь.

Семен Вайнаховский

ЛГИТЕ И ОБМАНЫВАЙТЕ

Практические советы агентам CrimethInc

Лицемерие: желание системы есть желание лжи

В наши дни невозможно избежать лицемерия в какой-либо борьбе со status quo. Политические и экономические структуры созданы таким образом, что практически невозможно существовать вне области их влияния. Сегодня, независимо от того, что кто-либо думает о возможностях устройства на работу, или же о самой экономической системе, у людей нет возможности отказаться от работы, если только они не хотят умереть от голода или болезней, лечение которых они не смогут оплатить. Если человек не верит в частную собственность, все равно у него нет выбора: приходится покупать еду и одежду, покупать или снимать жилье (конечно, если он не готов выступить против нашей крайне эффективной правоохранительной системы) — ведь нет более ни свободной земли, ни еды, или других ресурсов, которые бы не являлись уже чьей-либо собственностью.

Если кто-то желает распространять материалы, критикующие капиталистическую систему производства и потребления, у него/нее нет возможности произвести и распространить этот материал без оплаты работ по производству, без того, чтобы не продать конечный продукт потребителям (или по меньшей мере не распространять коммерческую рекламу, что только подталкивает людей к тому, чтобы быть потребителями) — чтобы окупить затраты на производство. Если женщина не желает финансировать жестокие пытки и массовые убийства животных во имя капитализма, она может перестать есть мясо и молочные продукты, может не покупать косметику, тестирующуюся на животных, может не носить одежду из кожи и меха. Но все равно в пленке в ее камере и видеокассетах, в виниловых пластинках, в бесчисленном множестве других продуктов (без которых ей придется очень тяжело в современном обществе) со-

держатся вещества, полученные из животных. Кроме того, компании, у которых она покупает овощи, скорее всего напрямую связаны с компаниями, производящими мясную и молочную продукцию, поэтому ее деньги будут использованы в тех же самых целях. Весьма вероятно также, что сами овощи были собраны рабочими-мигрантами или с использованием принудительного труда.

В то же самое время современная западная культура настолько глубоко вдолблена нам в голову (мы подвергаемся индоктринации с самого раннего возраста), что уже практически невозможно избежать влияния на нашу деятельность тех самых устоев, с которыми мы боремся.

Если в течение всей нашей жизни нам внушается стремление наделять финансовой ценностью каждый час нашей жизни, крайне трудно избавиться от ощущения, что только та деятельность имеет смысл, за которую нас материально вознаградили. Если в течение всей нашей жизни нам внушали уважение к иерархии и власти, тяжело вдруг начать относиться ко всем окружающим как к равным. Если в течение всей нашей жизни нас учили ассоциировать счастье с пассивным наблюдением, становится тяжело обрести счастье в том, чтобы создавать мебель, а не смотреть телевизор.

И, конечно же, существуют еще десятки тысяч более тонких способов, которыми подобные предположения и жизненные ценности проявляют себя в наших мыслях и действиях.

Все это вовсе не значит, что сопротивление бесполезно. На самом деле, если наше пространство выбора настолько ограничено, что мы не можем действовать без того, чтобы не воссоздавать условия, из которых и пытаемся вырваться, — значит сопротивление тем более необходимо. Да, это означает, что «невинность» — миф, контрреволюционная концепция, от которой стоит отказаться, как и от прочего багажа постхристианских идей. Традиционное христианство требует от людей, что-

ются для укрепления status quo, означает, что любое зарождающееся сопротивление может быть нейтрализовано и ассимилировано с самого начала. С другой стороны, деятельность лучше бездействия, и, возможно, наши усилия в этой области все равно будут иметь позитивный эффект, несмотря на необходимые компромиссы. И, быть может, наша готовность указать, где мы пошли на компромисс, не даст этим компромиссам сделать нашу деятельность бессмысленной.

Должна быть возможность возбудить искреннее желание к переменам в жизни людей. А если такой возможности нет, все равно стоит попробовать. Конечно, есть вероятность, что идеализм подобного рода только заставит нас, несмотря на лучшие наши намерения, предать те самые идеалы, ради которых мы выступаем. Возможно, мы сами предрешаем свою судьбу, когда преобразуем искреннее желание перемен в абсолютно неэффективную деятельность, как, например, покупка «революционных продуктов» и обсуждение чужих идей вместо создания собственных. Возможно, реклама, которую мы продаем на страницах журнала, всего лишь заставит людей купить рекламируемые продукты (и таким образом лишь усилит их рабство в системе наемного труда), вместо того, чтобы без вреда для других просто дать нам средства на публикацию наших требований разрушить эту систему.

А возможно, это лицемерие — просто маска, позволяющая нам заниматься нашим бизнесом на революции, вместе с тем выдавая себя за очередную невинную псевдо-революционную группу; может быть, мы лишь кажемся безнадежно запутавшимися в компромиссах — чтобы силы, влияющие на статус кво, не увидели той угрозы, которую мы представляем, пока не будет слишком поздно. А может быть

CrimethInc как раз управляется теми самыми силами с тем, чтобы направить энергию людей, желающих перемен, в пустоту! Даже при таком сценарии возможны непредвиденные последствия... Кто же знает наверняка? Смысл в том, чтобы действовать, действовать с радостью, не принимать за данность мысль о том, что мы ничего не можем изменить. Пусть даже это правда. Ведь если мы желаем сопротивляться тем ролям и жизням, которые нам предписаны, если мы ведем искреннюю борьбу с силами, которые бы хотели держать нас в отчаянии, если мы отваживаемся действовать по своей воле, действовать со всей возможной страстью и радостью, то это и есть революция, которой мы жаждем.

Воруйте© Плагат: все права на текст принадлежат CrimethInc

Рынок идей, как и любой рынок, хорош только для разграбления. Начнем с «интеллектуальной собственности». С детства нас всех учили, что «ничто не ново под луной».

Как только у ребенка появляется чудесная мысль, более старший с радостью указывает ему, что эту идею либо уже применили в прошлом и она не сработала, либо что кто-то другой не только додумался до того же самого, но еще и развил и стал использовать в таких масштабах, что ребенку и не снились. «Учись и выбирай из уже существующих идей и верований вместо того, чтобы пытаться разрабатывать что-то свое», — кажется, это и есть основной посыл подобных методов воспитания, применяемых в школах повсюду на Западе.

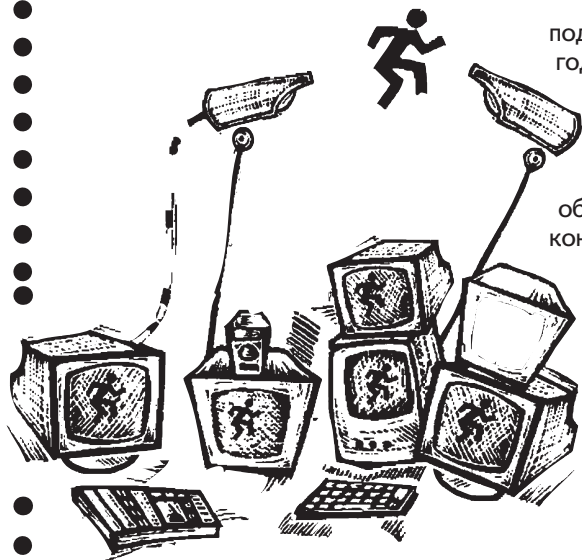
Несмотря на подобный широкий подход, а, может быть, именно благодаря ему, мы испытываем очень собственные чувства в отношении наших идей. Концепция «интеллектуальной собственности» лежит намного глубже в общественном сознании, нежели концепция собственности материальной. Кажется, многие мыслители пришли к выводу, что «собственность — это кража» в отношении недвижимости и прочих физических вещей, но мало кто отважился на аналогичные заявления по отношению к собственным идеям.

Даже самые известные «радикальные» мыслители все равно с гордостью предъявляли свои идеи как прежде всего их собственные и ничьи более. Следовательно, мы привыкли делать небольшое различие между мыслителями и их мыслями. Студенты-философы будут изучать философию Декарта, студенты-экономисты — марксизм, студенты-художники — работы Дали. В худшем случае культ личности, расцветающий вокруг известных мыслителей, мешает какому-либо полезному анализу их идей или произведений; поклоняющиеся герою кланутся в верности мыслителю и всем его мыслям, в то время как другие люди, имеющие обоснованные или необоснованные предубеждения по отношению к этому мыслителю, скорее всего с большим трудом смогут отделить его идеи от его личности.

В лучшем случае это заострение внимания на паре «автор-владелец» при рассмотрении идей или произведений искусства не оказывает никакого влияния на ценность самих идей (произведений искусства). Даже если анекдоты о личности творца представляют интерес и могут сами по себе стимулировать творческое мышление. Сами же предположения, из которых и зарождается концепция «интеллектуальная собственность», требуют большего внимания с нашей стороны, чем до сего момента было проявлено. Факторы, оказывающие влияние на слова и поступки личности, могут различаться.

Не на последнем месте стоят, например, социо-культурная атмосфера и личностный вклад других людей. Заявлять, будто некая идея единственным своим истоком имеет какую-то конкретную женщину или мужчину — значительно упрощать дело. Но мы настолько привыкли заявлять о своих правах на различные вещи и объекты, настолько привыкли к тому, что нас заставляют признавать аналогичные заявления других в ходе борьбы не на жизнь а на смерть, которая называется жизнью в условиях рыночной экономики, что нам кажется естественным распространить эту практику на область идей. Конечно, должны быть и другие способы помыслить истоки и права собственности на идеи, которые достойны рассмотрения... Ведь наш подход делает нечто большее, чем отвлекает от самих идей.

Наша традиция признавать «право интеллектуальной собственности» опасна потому, что своим результатом имеет обожествление общественно признанного «мыслителя» и «художника». Обожествле-

ние за счет всех других. Когда идеи крепко связываются с правильными именами (и, следует отметить, всегда с одними и теми же правильными именами), это предполагает, что способности мыслить и творить суть специальные навыки, свойственные лишь горстке избранных. Например, прославление «художника» в нашей культуре, включающее в себя стереотипное представление о художниках как об «эксцентричных» провидцах, существующих на краю («в авангарде») общества, поощряет людей верить в то, что художники значительно и фундаментально отличаются от других людей. Вместе с тем, любой может быть художником, и каждый им в какой-то степени является; способность творчески действовать есть ключевой элемент человеческого счастья.

Но когда нас пытаются убедить в том, что склонность к творчеству и критическому мышлению — это таланты, которыми обладают лишь некоторые, те из нас, кому не посчастливилось быть нареченными обществом «художниками», или «философами», оставляют в стороне всякие попытки развивать подобные склонности. Следовательно, мы будем зависеть от других в отношении многих из наших идей, нам придется радоваться роли зрителя, наблюдать за творческой работой других людей — и испытывать чувства отчуждения и неудовлетворенности.

Еще один недостаток ассоциирования идей с определенной личностью — это то, что подобный подход ведет к принятию идей в их изначальной форме. Студенты, изучающие философию Декарта, поощряются к тому, чтобы изучать ее в ортодоксальной форме, вместо того, чтобы искать те ее части, которые могут иметь значение в их собственных жизнях и увлечениях и пытаться совмещать эти ее аспекты с элементами других учений. Из уважения к первоисточнику, обожествленному в соответствии с нашей традицией, его тексты и теории сохранены как они есть, их никогда не пытаются поместить в новые формы, иной контекст, что может привести к новым озарениям. Похожие на мумии, многие теории потеряли всякое значение для нашей современной жизни, в то время как могли обрести новый смысл, если бы к ним относились с чуть меньшим почтением.

Итак, мы видим, что наше принятие традиции «интеллектуальной собственности» имеет негативные последствия для наших попыток мыс-

лить критически и учиться у нашего культурного наследия. Что можно предпринять в этом отношении? Одно из возможных решений — плагиат.

Плагиат и современный(ая) революционер(на)

Плагиат — особенно эффективный метод приобретения и реорганизации идей, и как таковой может быть полезным инструментом для ищущих способа вызвать к жизни новые и увлекательные мыслительные процессы в головах окружающих. Революционность этого метода также и в том, что он не признает прав «интеллектуальной собственности», напротив, этот метод наносит удар по этому понятию и связанным с ним негативным эффектам.

Плагиат имеет дело с сутью предмета, отменяя все наносное посредством уничтожения информации о первоначальном источнике материала.

Кроме того, как предполагалось выше, можно выдвинуть аргумент, что истинные источники сути многих вдохновляющих идей и предложений в любом случае невозможно установить. Поставив другое имя или вовсе не подписав текст, плагиатор помещает материал в совершенно иной контекст. Это может создать новые перспективы, вызвать новые мысли в отношении субъекта исследования, которые не возникали в прошлом. Плагиат также делает возможным совместить лучшее или самое значимое из некоторого набора текстов, создав, таким образом, новый текст с достоинствами многих старых — и некоторыми новыми достоинствами, поскольку комбинация материалов из различных источников безусловно приведет к непредвиденным последствиям и, возможно, даст ключ к раскрытию тайных смыслов или возможностей, которые многие годы были скрыты в изначальных текстах.

Наконец, самое главное, плагиат — это переоценка идей: когда человек занимается плагиатом текста, который сторонники интеллектуальной собственности чтут как «святыню», плагиатор отрицает какие-либо различия между собой и мыслителем, у которого заимствует. Он(а) берет сами мысли философа и использует их в собственных целях так, как считает нужным, вместо того, чтобы

относится к мыслителю как к авторитету, сохранить работу которого в первоизданном виде есть святой долг каждого. По сути плагиатор отрицает сам факт того, что существует фундаментальное различие между мыслителем и остальным человечеством, ведь собственность мыслителя становится собственностью всего человечества.

В конце концов, хорошая мысль должна быть нашим общим достоянием — должна принадлежать всем нам — если это действительно хорошая мысль. В обществе, где человеческое счастье есть главная цель, законы о нарушении прав собственности и подобные им ограничения не должны мешать распределению и рекомбинации идей. Подобные ограничения лишь ставят палки в колеса тем, кто находится в поиске чудесного и вдохновляющего материала, чтобы поделиться им со всем человечеством.

Так что, если действительно «ничто не ново под луной», ловите их на слове и действуйте соответственно. Берите то, что имеет отношение к вашей жизни из теорий и доктрин, подготовленных теми, кто жил до вас. Не бойтесь воспроизводить дословно те тексты, которые кажутся вам идеальными, для того, чтобы поделиться ими с другими, чтобы все могли наслаждаться ими и учиться у них. В то же время не бойтесь красть идеи из разных источников и организовывать их так, чтобы получалось что-то прекрасное и полезное, имеющее большее отношение к вашим нуждам и вашему опыту. Ищите способы создать собственноручно систему творческой и критической мысли, вместо того, чтобы выбирать из уже готовых идеологий, которые вам предлагает рынок. В конце концов, мы имеем идеи или идеи имеют нас?

коллектив CrimethInc

ГРЯДУЩЕЕ ВОССТАНИЕ

Отрывок из революционного бестселлера

11 ноября 2008 года французская антитеррористическая полиция арестовала около 20 человек в связи с произошедшими в октябре и ноябре пятью инцидентами саботажа перевозки ядерных отходов, направленных против сети питания электропоездов. Сейчас девять человек обвиняются в «создании преступного сообщества, преследующего террористические цели». На данный момент все арестованные освобождены под залог. Поскольку многие из них были задержаны в деревне Тарнак, которая находится в области Коррезы в центре Франции, в прессе их часто называют «Тарнак 9».

Группу ассоциируют с различными политическими текстами, в том числе с журналом «Тиккун» и с бестселлером «Грядущее восстание», в СМИ позиции этих людей называют «анархо-автономистскими», следуя примеру министерства юстиции, которое ведет крестовый подход против данного движения. На самом деле этот термин — выдумка СМИ и ментов, но, безусловно, арестованных можно отнести к определенной традиции «ультралевых», у истоков которой находится Ситуационистский Интернационал. В этом номере «Автонома» мы публикуем отрывок из «Грядущего восстания». Надеемся, что в ближайшее время полный перевод будет доступен в Интернете.

КРУГ ПЯТЫЙ: «МЕНЬШЕ ТОВАРОВ, БОЛЬШЕ СОЛИДАРНОСТИ!» ТАРНАК 9

После тридцати лет массовой безработицы, «кризиса», торможения экономического роста нас до сих пор хотят заставить верить в экономику. Хотя, конечно, за эти тридцать лет было несколько передышек: иллюзия 1981-1983 годов, когда мы поверили, что левое правительство принесет народу счастье; иллюзия «Эры Бабла» (1986-1989), когда мы все должны были разбогатеть, податься в бизнес и заиграть на бирже; «Интернет-антракт» (1998-2001), когда считалось, что все смогут найти виртуальную работу благодаря постоянному нахождению онлайн, и когда цветная, мультикультурная, но единая Франция собиралась завоевать все кубки мира. Что ж, сегодня наш запас иллюзий исчерпан, мы достигли дна, мы банкроты, если не должники.

Зато мы поняли следующее: экономика не в кризисе, экономика — это и есть кризис. Дело не в том, что работы не хватает, как раз наоборот, работа — это излишество. Если задуматься по-настоящему, то не кризис, а экономический рост вгоняет нас в депрессию. По правде говоря, ежедневные колебания биржевого курса отлетают от нас таким же горохом, как месса на латыни. И, слава богу, нас таких уже немало — тех, кто пришел к подобным выводам. Не говоря уже обо всем том народе, который пробавляется различными мелкими махинациями и приторговыванием, который уже десять лет живет на пособие по безработице.

Обо всех тех, у кого не получается идентифицировать себя с работой, и кто живет своими увлечениями. Обо всех задвинутых в ящик, обо всех прячущихся по углам, обо всех, кто работает как можно меньше, и кого среди нас становится все больше. Обо всех, кто затронут этой странной тенденцией массового самоустранения, которая еще больше усугубляет циничную сверхэксплуатацию мигрирующей рабочей силы. Мы не говорим о них, хотя они по идее должны так или иначе прийти к похожим выводам. Мы говорим обо всех этих странах и целых континентах, которые потеряли веру в экономику, лицезрев крушения боингов МВФ и опробовав почем фунт лиха во Всемирном банке.

Вот там-то нет ничего похожего на вялотекущий закат трудовых призываний на Западе. В Гвинее, России, Аргентине, Боливии происходит всеобщее и жестокое разочарование в этой религии и в ее пастырях. «Что такое тысяча экономистов МВФ, идущих ко дну? — Хорошее начало», — шутят во Всемирном банке. Русский анекдот: «Встречаются два экономиста. Один другого спрашивает: «Ты понимаешь, что происходит?» Тот отвечает: «Подожди, сейчас я тебе все объясню». Первый: «Нет-нет, объяснить-то каждый дурак может, я сам экономист. А я вот тебя спрашиваю: ты сам понимаешь?» Само духовенство уже впадает в ересь и критикует догму. Последнее мало-мальски живое течение так называемой «экономической науки» — которое на полном серьезе называет себя «неаутистской экономикой» — занимается разоблачением узурпаций, коварных уловок,

поддельных научных показателей, единственная реально ощутимая роль которых — потрясать монстранцем в ритм разглагольствований господствующих, хоть как-то церемониально обставляя их призывы к послушанию и, как это и полагалось всегда, делать религиям, предоставляя объяснения.

Ведь всеобщая беда становится невыносимой, как только предстает в своем истинном виде: без причин и без оснований. Деньги всюду теряют уважение: и среди тех, у кого они есть, и среди тех, кому их не хватает. Двадцать процентов молодых немцев на вопрос о том, чем они хотят заняться в жизни, отвечают: «стать художником». Работу уже не воспринимают как данность человеческого существования. Бухгалтерские отделы предприятий признают, что не знают, где на самом деле рождается ценность. У рынка уже лет десять была бы плохая репутация, если бы не чрезвычайное рвение и мощь его апологетов. Повсеместно элементарный здравый смысл подсказывает, что прогресс превратился в кошмар.

В мире экономики повсюду прохри, не хуже, чем в СССР эпохи Андропова. Всякий, кто обладает маломальскими знаниями о последних годах жизни СССР, без труда расслышит во всех этих призывах к волонтаризму со стороны наших правителей, во всех этих вдохновенных эскападах про будущее, нить которого мы потеряли, во всех этих изложениях кредо «реформ» всего подряд первые потрескивания в структуре Стены. Крушение социалистического блока означало не триумф капитализма, а всего лишь падение одной из его форм. Впрочем, убиение СССР было делом рук не восставшего народа, а быстро конвертирующейся номенклатуры. Объявив о конце социализма, фракция правящего класса прежде всего избавилась от застарелых обязательств, которыми она была связана со своим народом.

Отныне она взяла под частный контроль то, что контролировала и прежде от имени всех. «Они делают вид, что платят нам, а мы делаем вид, что работаем», — говорил народ на заводах. «Ну, если дело только за этим, так давайте, наконец, прекратим делать вид», — ответила олигархия. Одним достались природные ресурсы, производственная инфраструктура, военно-промышленный комплекс, банки, ночные клубы, другим — обнищание или изгнание. Точно также, как при Андропове в СССР, уже никто всерьез не верил в СССР, сегодня в залах заседаний, в офисах и цехах никто уже не верит во Францию. «За этим дело не станет!» — отвечают боссы и правители, которые уже даже не пытаются смягчить «суровые законы экономики», и закрывают завод за одну ночь, чтобы наутро объявить работникам об этом, и, не моргнув глазом, бросают отряды Группы Оперативного Действия Национальной Жандармерии на подавление забастовок — как это было в случае со стачкой в «Национальном обществе морских путей сообщения» (SNCM) или в сортировочном центре в Ренне.

Все убийственные действия власти состоят в том, чтобы, с одной стороны, управлять этим разрушением, а с другой, заложить основы «новой экономики». А ведь нас издавна затачивали под экономику. В течение многих и многих поколений нас дисциплинировали, умирляли, делали из нас естественных субъектов-производителей, с удовольствием предающихся потреблению. И вот

перед глазами предстает та простая правда, которую нас так долго принуждали забыть: что экономика — это политика. И что сегодня данная политика занимается суровым отбором среди всей этой массы человечества, ставшей излишней. От Кольбера до Де Голя, не говоря уже о Наполеоне III, государство всегда рассматривало экономику как политику, не менее, чем буржуазия, получающая от нее барыши, и не менее, чем конфронтирующие с ней пролетарии.

И лишь эта странная промежуточная прослойка населения, это курьезное импотентное сборище тех, кто не принимает ничью сторону, мелкая буржуазия, всегда делала вид, что верит в экономику как в отдельную реальность — поскольку это позволяло ей сохранять свою нейтральность. Мелкие торговцы, мелкие начальники, мелкие служащие, преподаватели, журналисты, работники сферы услуг и образования образуют во Франции этот не-класс, этот социальный желатин, состоящий из массы тех, кто хочет лишь одного: спокойно и тихо прожить свою маленькую частную жизнь вдали от Истории и ее потрясений. По своим жизненным установкам это болото — настоящий чемпион по ложному сознанию, готовый на все, чтобы в своем полусне по-прежнему закрывать глаза на войну, которая уничтожает все вокруг.

Каждое временное затишье на фронте боевых действий отмечено во Франции изобретением новой блажи. В последние десять лет таковой являлся АТТАС с его фантастическим налогом Тобина, для учреждения которого всего-то и требуется, что создать мировое правительство, и с его апологией «реальной экономи-

Мелкие торговцы, мелкие начальники, мелкие служащие, преподаватели, журналисты, работники сферы услуг и образования образуют во Франции этот не-класс, этот социальный желатин, состоящий из массы тех, кто хочет лишь одного: спокойно и тихо прожить свою маленькую частную жизнь вдали от Истории и ее потрясений.

ки» в противовес финансовым рынкам и трогательной ностальгией по государству. Долго ли коротко ли, эта комедия подошла к концу и выродилась в пошлый маскарад. На смену одной блажи приходит другая, и вот мы уже имеем дело с идеей «экономического спада» (*décroissance*). Если АТТАС со своими уроками народного ликбеза пытался спасти экономику как науку, то «экономический спад» пытается спасти ее как мораль. Вот она, единственная альтернатива надвигающемуся апокалипсису — повернуть вспять экономический рост.

Меньше потреблять и меньше производить. Всем стать возвышенно умеренными. Кушать био-продукты, передвигаться на велосипеде, бросить курить и тщательнее выбирать покупаемые товары. Довольствоваться лишь самым необходимым. Добровольно опроститься. «Заново открыть забытые сокровища дружеских человеческих отношений в оздоровленном мире». «Не расходовать природный капитал». Взять курс на «здоровую экономику». «Избегать регулирования хаосом». «Перестать порождать социальный кризис, попирающий демократию и гуманизм». Одним словом, всем стать экономами. Вернуться к экономике наших отцов, к золотому веку мелкой буржуазии, к 1950-м годам. «Когда индивид становится хорошим экономом, его собственность служит ему идеальную службу, то есть позволяет наслаждаться собственной жизнью вдали от общественной суеты, в своей уютном частном загоне».

Дизайнер в свитере ручной работы пьет фруктовый коктейль в компании друзей на террасе этнического кафе. Красноречивые, сердечные разговоры, ни слишком громкие, ни слишком тихие, в меру шуток, обмен блаженными улыбками и взглядами, кайф от собственной цивилизованности. Из кафе одни направляются обрабатывать землю в муниципальном саду, другие — лепить глиняную посуду, третьи — создавать мультфильм или участвовать в собрании дзен-кружка. Единение избранных, справедливое чувство того, что они и есть новое человечество, более мудрое и утонченное, последнее из последних. И они правы. Apple и «экономический спад» удивительным образом совпадают в своих воззрениях на будущую цивилизацию. Идея одних о возвращении к экономике прежних времен нагоняет тот самый туман, за которым так удобно прятаться победно шествующей идее других о качественном технологическом скачке.

Дизайнер в свитере ручной работы пьет фруктовый коктейль в компании друзей на террасе этнического кафе. Красноречивые, сердечные разговоры, ни слишком громкие, ни слишком тихие, в меру шуток, обмен блаженными улыбками и взглядами, кайф от собственной цивилизованности.

Ибо История не знает возвратов. Призыв вернуться в прошлое лишь отражает одну из форм современного сознания и, как правило, не самую отсталую. Не случайно «экономический спад» был поднят на знамена диссидентскими рекламистами журнала «Разрушители рекламы» (*Casseurs de pub*). Да и сами изобретатели нулевого экономического роста — Римский клуб 1972 года — это группа промышленников и чиновников, взявших за основу отчет кибернетиков Массачусетского Технологического Института. Это сходство неслучайно. Оно вписывается в отчаянные поиски путей спасения экономики. Капитализм ради своей выгоды разрушил без остатка все социальные связи, и теперь он пытается заново построить их на своих собственных основаниях. Общественная жизнь современных метрополий служит ему лабораторией.

Точно также капитализм разрушил естественные экосистемы и теперь носится с безумной идеей реконструировать их как контролируемые фрагменты окружающей среды, снабженные нужными датчиками. Этому новому человечеству соответствует новая экономика, которая хочет быть уже не отдельной сферой существования, но самой его тканью, самой материей человеческих отношений. Работа получает новое определение — как работа над собой, а Капитал становится человеческим капиталом. Появляется новая идея производства как производства реляционных благ^[*], и потребления — как потребления ситуаций; а главное — новая идея ценности, которая призвана объединить в себе всю совокупность качеств человеческих индивидов.

Эта нарождающаяся биоэкономика рассматривает планету как закрытую управляемую систему и стремится заложить основы науки, которая включала бы все параметры жизни. Подобная наука еще заставит нас пожалеть о старых добрых временах ошибочных показателей, когда пытались измерять счастье народа ростом ВВП, но когда, по крайней мере, никто в это не верил. «Придавать большее значение неэкономическим аспектам жизни» — таков лозунг «экономического спада» и одновременно — программа реформы Капитала. Экопоселения, камеры видеонаблюдения, духовность, биотехнологии и общительность принадлежат к одной и той же нарождающейся «цивилизационной парадигме» — парадигме тотальной экономики, вырастающей из низов. Ее интеллектуальная база — ничто иное, как кибернетика, наука о системах, то есть о контроле систем.

Чтобы окончательно и повсеместно навязать экономику, ее этику труда и скупости, на протяжении всего XVII века пришлось изолировать и искоренять всю эту фауну бездельников, нищенствующих, колдуний, юродивых, жуиров и прочих неприкаянных бедняков, все это человечество, которое своим существованием бросало вызов порядку, основанному на корысти и умеренности. Новая экономика не сможет воцариться без такой же селекции субъектов и зон, способных к мутации. Давно предвещаемый хаос станет поводом для подобной селекции, или же нашей победой над этим отвратительным проектом.

[*] То есть благ, касающихся отношений между людьми. — Прим. перев.

ДОБРЫЕ КУДАКИ

СКИНХЕДОВСКАЯ АНАРХИЯ

Сотня сознательных либертариев порвет всех

Интервью
с Олегом «Rush» —
музыкантом питерских
oi-групп Vukaneros
и «Бригадир», известным
анархистом
и антифа.

А.И.: Когда появилась группа Vukaneros? Какие идеи пропагандировала? Чего добилась и почему распалась?

Р: Группа была создана в 2005 году с целью донести до людей идеи скинхедов-антифашистов и, в меньшей степени, проблемы рабочего класса.

А.И.: Ну а какие проблемы, по твоему мнению, есть у рабочего класса?

Р: Эксплуатация капиталистами, слабая организованность, аполитичность и нежелание бороться за свои права. Все как обычно вообще.

А.И.: Для кого вы тогда пели? Были выездные концерты?

Р: В Питере пели для, на тот момент, весьма слабой панк-рок/скинхед сцены. В других городах для тех же самых людей. Не очень часто мы ездили. Несколько раз выезжали в Москву и Петрозаводск.

А.И.: В рамках Vukaneros ты добился, чего хотел?

Р: Сложно оценивать влияние, оказанное группой на сцену и уж тем более на ситуацию в мире, но я все-таки надеюсь, что какой-то вклад мы внесли.

А.И.: Почему группа распалась?

Р: Из-за того, что все держалось только на мне, а остальные участники не хотели прикладывать никаких усилий к существованию группы. И в тот момент мне стало не интересно дальше заниматься этим проектом, поскольку я хотел более четко выраженной политической позиции. И группа распалась, так как никому больше не было интересно продолжать.

А.И.: И куда делись участники группы?

Р: Двое создали группу M-16, иногда выступают в Питере, пишут диск, а я собрал «Бригадир». Игралем мы oi/hardcore. Группу я собрал в 2007 году. В первый раз выступили на фестивале «Чёрный Петроград — 2007». Я оцениваю пропагандистское влияние музыки достаточно низко, но всё равно я решил, что надо более чётко выражать политическую позицию.

А.И.: Ну а во всем мире контркультурная музыкальная сцена имеет достаточно большое влияние на антифашистскую среду.

Р: Дело в том, что главный элемент сцены это — угар. И он преобладает. И в итоге всё воспринимается как угар. Тем более, если тексты говорят не напрямую о проблемах и ярко не выражены, а обобщают, то люди вообще не видят в них ничего серьезного.

А.И.: А под серьёзностью ты понимаешь политический акти-

визм? И считаешь, что наша музыкальная среда имеет низкую политическую активность?

Р: Чудовищно низкую. Если есть какой-то концерт, где присутствуют 250 — 300 человек, то на следующий день на уличное мероприятие в лучшем случае приходит четверть из них или того меньше.

А.И.: У тебя есть решение этой проблемы?

Р: Если бы оно у меня было, то ситуация уже начала бы меняться. Не думаю, что сейчас у кого-то есть ответ на этот вопрос.

А.И.: Сколько концертов вы провели? В каких политических событиях «Бригадир» участвовал?

Р: Не все участники группы политически активны. Некоторые просто антифашисты и в политических акциях участия не принимают. Мы стараемся не выступать на простых концертах. Стараемся играть на политически ориентированных мероприятиях. В Питере выступили на десятках концертов и несколько раз ездили в другие города, в Москву и Петрозаводск.

А.И.: Сравнить эти города можешь по нашим темам?

ANTIFASCHISTISCHE

AKTION

R: Где-то сцена более политизирована. Но вообще люди больше любят тусоваться и пить пиво, а не заниматься какими-то серьезными вещами.

А.И.: А ты не думаешь, что людей сможет заставить заниматься активизмом какая-то жизненная ситуация, а не только набор наших идей, под которые надо что-то делать. Репрессии со стороны государства, например?

R: Ну и так в нашей галимой стране у каждого есть достаточно личной мотивации начать делать политически активные вещи. Потому что мы живём в большом гавне. Или говорить, что всё хорошо, и при этом тонуть дальше.

А.И.: Ты сравниваешь взгляды на жизнь обычного человека и жизнь своих друзей-активистов?

R: Эти люди мне напоминают человека, который летит с сотого этажа и, пролетая мимо каждого этажа, повторяет про себя: «Пока всё хорошо, пока всё хорошо». А те, кто действительно серьёзно занимаются активизмом, по моему мнению, — совершенно другие люди. Люди, которые живут сегодняшним днём, считают, что активисты занимаются банальным альтруизмом, но просто мы смотрим дальше, и хотим в целом жить хорошо.

А.И.: Расскажи о прошлогодней забастовке на «Форде». Твой взгляд на неё?

R: Эта забастовка была очень мало политизирована. Выдвигала мелочные экономические требования, на мой взгляд. Конечно, для Всеволожска как пригорода

Санкт-Петербурга и для этих рабочих, у которых ещё мало каких-то идей в голове, это большой прорыв. С той забастовки минуло уже много времени, и уже сами фордовцы приходят к мысли о том, что одними экономическими требованиями всего не добьёшься. Пока они пришли к тому, что надо делать какие-то свои политические движения, которые будут заниматься интересами рабочего класса. Но, на мой взгляд, как анархиста, они не правы, что считают, что можно изменить ситуацию в рамках этой системы. Но вполне возможно, что через какое-то время они дойдут до мысли, что надо коренным образом изменить всё.

А.И.: А анархисты как участвовали в забастовке?

R: Мы участвовали не очень активно тогда. В то время мы были мало интегрированы в рабочее движение, нас мало кто знал. Мы предлагали радикальные меры по борьбе со штрейкбрехерами и прочее. Но профсоюзы очень осторожно к нам относились.

А.И.: И какие вы выводы для себя сделали?

R: Несомненно, что профсоюзное движение есть в России, но до наших идей им очень далеко. Эта забастовка — большая победа для него, и теперь остальным рабочим есть, на кого равняться.

А.И.: Что изменилось на питерской сцене с вашим появлением?

R: Сначала песню «Красные и анархо-скины» подпевали три человека, теперь — тридцать. :) Но разницу в количестве и качестве акции я не вижу. У нас очень много проблем до сих пор. Только сейчас отдельные анархистские тусовки и группы начали сотрудничать друг с другом. Результат: акции против повышения цен на транспорт и акции солидарности с А. Бычным, которые широко освещались в СМИ.

А.И.: Что ты можешь рассказать про АЛИ (Ассоциация либертарных инициатив)?

R: Она провалилась как идея. Так как очень многие анархисты боятся слова «организация». Они не участвовали в работе, не приходили на собрания. В итоге у нас были разные акции. И сейчас я участвую в работе RASH-Питер.

А.И.: Бритый анархизм моден в Питере? Рубятся по анархии?

R: Нас даже больше, чем в Москве. :) В Питере очень много бритых, которые называют себя анархистами, но по сути ими не являются. Он ещё недостаточно моден, чтобы брать качеством и, к сожалению, достаточно моден, чтобы брать количеством.

А.И.: Что сейчас происходит с газетой «Линия фронта»?

R: Наша целевая аудитория — скинхеды. Формат газеты не популярен среди нашей целевой аудитории, и мы решили прекратить выпуск «Линии Фронта». В будущем мы решили издавать зин.

А.И.: Какое будущее ждет анархистское движение?

R: Всё зависит от того, насколько много людей поймут серьёзность происходящего. Я боюсь, что если все останется, как есть сейчас, то нас ждет весьма плачевное будущее. Мы так и останемся маргинальной группой, не влияющей на большую политику. Чтобы движение стремительно пошло вверх, каждый человек, называющий себя анархистом, должен понять, что анархия для него — это не какая-то шутка на один день, что это не угар, который со временем заменится карьерой и семьёй. Анархия должна стать его жизнью. Сотни таких людей нам хватит, чтобы мы уже представляли что-то серьёзное. Пока таких людей единицы.

*Беседовал
Алексей Иксрашиков*

ПРОПАГАНДА ЗВУКОМ

Ска-П хотят, чтобы их музыку знали

14 мая в Москве состоялся концерт испанской ска-панк группы Ska-P. Двум членам «Автономного действия» удалось попасть на пресс-конференцию и задать музыкантам несколько вопросов. Ниже вашему вниманию представлено интервью с вокалистом Пульпулем и гитаристом Хосеми.

— Вы себя считаете антифашистами? Анархистами?

Хосеми: Да. (Пауза. Смеется).

Пульпуль: Мы себя позиционируем больше в качестве антифашистов, нежели анархистов. Анархия — это очень серьезное слово; нужно взять на себя большую ответственность, чтобы называть себя анархистом.

— Вы сталкиваетесь с проблемой фашизма в повседневной жизни?

Хосеми: Нет. Только как-то раз на одном концерте нацисты хотели что-то мутить, но у них в итоге ничего не вышло.

— Европейские СМИ игнорируют политическую деятельность, политические заявления различных групп. А о вас пишут?

Хосеми: О нас никогда не пишут в мейнстримовых газетах. Мы ни разу не выступали ни на радио, ни на телевидении. Мы гастролируем и так распространяем свои идеи. Общение происходит естественным образом, а не посредством СМИ.

Пульпуль: Чтобы донести свои идеи, у нас есть тексты песен.

— 11 ноября 2007 года нацист убил 16-летнего антифашиста Карлоса Паломино. Хотелось бы спросить, велико ли движение нацистов в Испании? Как можно его побороть?

Хосеми: Нацисты в меньшинстве. Антифашистов гораздо больше. Но наци очень злые. Проблема в том, что фашисты настроены решительно, они хотят убивать людей. У антифашистов такого желания нет.

Пульпуль: Также помните, что Испания — страна, которая 40 лет страдала от фашизма. Поэтому сейчас большинство людей не то что поддерживать фашизм, но даже слышать ничего не хотят о нем.

— В 2005 году вы объявили о распаде группы и объединились только в 2008. Что вы делали во время перерыва?

Хосеми: Просто отдыхали.

Пульпуль: Мы не знали, соберемся ли вновь. Я даже гитару ни разу в руки не брал. Только за несколько недель до тура я начал репетировать.

— Вы состоите в каких-нибудь общественных организациях?

Хосеми: Есть много профсоюзов, общественных организаций, но мы нигде не состоим, так как хотим

быть независимыми.

Однако мы сами активно участвуем в каких-то инициативах. Например, недавно был благотворительный концерт в поддержку палестинского народа. Также мы делали концерты, чтобы проявить солидарность с людьми из Чьягаса. Еще мы ездили в Каракас, Боливию, в годовщину тамошней революции.

Пульпуль: Мы делаем концерты, чтобы собрать людей, привлечь их внимание к какой-то проблеме.

— А есть ли в Испании инициатива «Еда вместо бомб»?

Пульпуль: Раньше это было немного развито, но несильно. Сейчас такого, по-моему, вообще нет.

— Как вам при такой солнечной музыке удается писать такие серьезные тексты?

Хосеми: Мы просто пьяные всегда. (Смеется).

Пульпуль: Я с детства слушал группы, чьи тексты заставляют задуматься. Например, Mano Negra, Kortatu, La polla records, The Clash... Но всегда пьяным. (Смеется).

— Вы знаете что-нибудь о делах Амадеу Касельяса и Эрика Дурана?

Хосеми: Что-то слышал, но не очень в теме.

— Они экспроприировали банки.

Хосеми: Нет, из таких людей я слышал только о Лусио Уртубии.

— Что вы думаете по этому поводу? Это хорошо, по-вашему?

Хосеми: Как говорит Лусио Уртубия, нет ничего лучше, чем грабить банки.

Пульпуль: Но надо различать это и воровство на улицах. Последнее мы не одобряем, так как страдают простые люди. А вот банки грабить — очень круто. (Хосеми просит нас написать ему названия каких-нибудь групп из России, чтобы он послушал).

— Вы могли бы творчески сотрудничать с людьми, которых не знаете, но чья музыка вам нравится?

Хосеми: Вряд ли. Просто почти всегда мы сначала знакомимся с людьми, а потом уже слушаем их музыку.

— Вы могли бы назвать какие-нибудь заслуживающие внимания молодые испанские группы?

Хосеми и Пульпуль: в один голос: bcafés (Seiscafés).

— Вы начинали как независимая группа, но потом начали работать с большими лейблами: Sony, BMG, RCA. Почему?

Пульпуль: Есть много плюсов в сотрудничестве с большим лейблом: тебя знает больше людей, диски лучше распространяются. Когда мы работали с независимыми лей-

блами, то это было неэффективно: тиражи всего в тысячу дисков и никакой рекламы. Мы используем это сотрудничество в своих интересах. Мы хотим побороть систему изнутри. Смешно говорить, что мы можем жить вне системы. Каждый день мы пользуемся чем-то системным. Почему бы ни сделать это себе на пользу? Благодаря этому мы доносим свои идеи большому количеству людей. Хотя сейчас, в эпоху Интернета в принципе пох*й на лэйблы, потому что есть пираты.

— **А каково ваше отношение к пиратству?**

Пульпуль: Мы их поддерживаем. (Менеджер Ska-P недоволено кривит рожу).

Хосеми: Мы приезжаем в Латинскую Америку, заходим там в магазин, но наших дисков нигде нет. Однако о нас слышали, люди приходят на концерты, поют песни. Значит, они все скачали через Интернет. Это прекрасно. Благодаря этому нас знают люди. Мы очень хорошо относимся к пиратству. Никаких проблем.

— **Как вы относитесь к людям, которые носят меха, кожу?**

Пульпуль: К людям — нормально, а вот к тому факту, что они шубы носят — плохо. Тем более в Испании, где в этом нет необходимости. Мы и в песнях своих проводим зоозащитную тему.

— **Вы веганы? вегетарианцы?**

Хосеми: Я почти вегетарианец.

— **Почти?**

Хосеми: Да, я почти не ем мясо.

Пульпуль: Я восемь лет был вегетарианцем, но после рождения дочери все перевернулось, какая-то бешеная жизнь началась. Не знаю, как так получилось, но сейчас я ем мясо...

— **Кажется, вы здесь уже несколько дней. Как вам город?**

Пульпуль: Хорошо. Только очень большой, гораздо больше, чем я себе представлял. Можно полтора часа идти, а быть в одном и том же районе. И очень красивый. Но много машин, пробки ужасные.

Хосеми: Ох*енный город.

— **А вы бы поехали в другие города России? В Санкт-Петербург, например?**

Пульпуль: Нет, не думаю, что мы поедем в другие города...

— **Ваши песни подвергаются какой-либо цензуре?**

Пульпуль: Прямо — нет. Мы всегда говорим то, что хотим сказать. (Хосеми спрашивает, есть ли у нас цензура в России, можем ли мы говорить все, что хотим. Мы отвечаем, что нет, вспоминая случай хотя бы Саввы Терентьева).

— **В ваших песнях очень много критики. На вас подавались когда-нибудь иски в суд?**

Пульпуль: Да, как-то раз один священник на нас подал в суд за то, что мы со сцены наговорили лишнего.

— **Вы выиграли дело?**

Пульпуль: Дело не дошло до конца. Судья решил, что у нас сво-

бода самовыражения и не к чему было придраться, не было состава правонарушения. Потому судебного разбирательства как такового не состоялось.

— **Вы бы стали участвовать в «Евровидении», если бы вам предложили?**

Хосеми: Нее, «Евровидение» — это полное дерьмо.

— **За какую футбольную команду вы болеете?**

Пульпуль: За арбитра.

Хосеми: Ни за кого. Я думаю, этот вид спорта должен быть запрещен. Из-за него в людях появляется очень много агрессии, и они вредят друг другу. Это очень злой вид спорта. Он порождает только насилие.

— **А что вы думаете по поводу событий в Греции?**

Хосеми: Очень круто, что за такой короткий промежуток времени люди смогли самоорганизоваться и что-то сделать. Такое должно произойти в каждой стране, нам надо брать пример с Греции! Декабрьские события — это нечто! Хотя, конечно, не нужно забывать, что гибель мальчика — ужасная трагедия...

Пульпуль: Сейчас, благодаря свободному распространению информации, культуры, мы можем координировать свои действия и гораздо больше делать вместе.

*Беседовала
Дарья Тианова*

МЕГАФОН

ДОСТОЙНЫЙ ЛИ МВД ПРОТИВНИК ДЛ АНАРХИСТОВ?

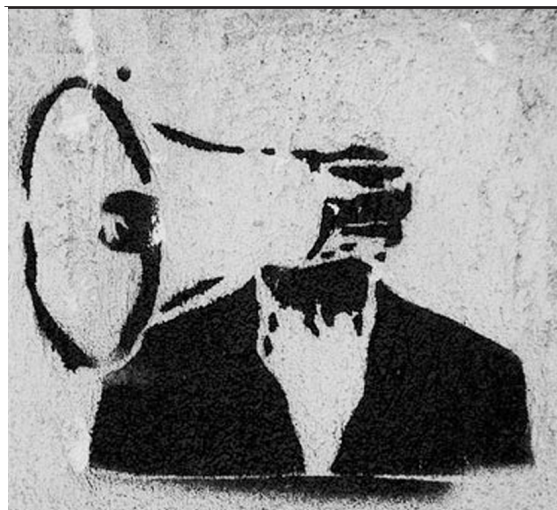
Историю о том, как слетевший с катушек мент расстрелял в супермаркете людей, знают все. Гнев в его адрес, конечно же, праведен. Но такое ощущение, что если бы Евсюкова не существовало, властям выгодно было бы его придумать. Например, по работе мне приходится периодически общаться с пиарщиком одной из кремлевских группировок. Он говорит, что «заинтересован в материалах, обличающих ментов». И в телевизоре после ареста Евсюкова задвигались такие телеги, которые хоть в «Автоном» ставь. Учитывая, что телевизор (в отличие от большинства печатных СМИ) в России жестко цензурируется... Интересно, что на ТВ телеги о бешеном майоре шли в разрезе обличения ментов-беспредельщиков. Совершенно не анализировалась та тема, почему у людей в самых разных частях света сегодня периодически сносит башню, и они начинают валить всех подряд. Опять же, в России обычные люди практически не имеют доступ к огнестрелу. Скорее всего, именно это, а не погоня как таковая, стали причиной, по которой первым бешеным безумцем у нас стал именно мусора, а не какой-нибудь школьник, решивший разобратся с обидчиками-одноклассниками и противными учителями из папиного автоматического пистолета.

И, мне кажется, Евсюков не случайно устроил все это в супермаркете. Ведь супермаркет — такая прекрасная квинтэссенция потребляющего мира... Зачем властям сдавать ментов? Потому что таки да, они народ достали, они — фиговые по всем параметрам. И даже на самом пике обожания Путина менты его не особо любили. Потому что такими, какие они есть, во многом их делает установленные в МВД порядки — маленькая зарплата и куча работы плюс много власти над людьми и возможностей облагать их да-

ню. Менты — что-то вроде сгнившего щупальца, ненужного выbledка Системы. И Система с радостью готова его раздавить, дабы, таким образом, создать почву для «диалога с народом». Разгромив ментов, Система создаст иллюзию, что готова реагировать на людские чаяния... Нужна ли анархистам реформа МВД? Не уверен. Российские мусора, на самом деле, не особо хуже и не особо лучше, чем мусора в других странах. Это так. К теме сравнения правоохранительных систем разных государств мы в «Автоме» еще вернемся. Есть много мелочей, которые были бы людям полезны, за которые не впадлу побороться. Но, например, коррумпированность милиции нам, как революционерам, безусловно, выгодна. Помню, как были удивлены немецкие антифа, которым я рассказывал, что в России можно попасть в ОВД, заплатить деньги и выйти. Объективно: честные и добросовестные мусора нам не нужны... И если даже в камерах предварительного заключения поставят кофе-машины и автоматы с прохладительными напитками, а вместо шконок будут кровати со сменным бельем, наши претензии к полициям на этом исчерпаны не будут. Мусора — это в первую очередь «первый ряд» защитников закона.

А закон кем пишется? Правильно, представителями власти и капитала, пишется в их интересах. Именно поэтому ментов не любят по всему миру — не любят все обездоленные, все, кто чувствует свою непричастность к принятию решений и распределению общественных благ. Так что дело, например, не в замене патрульно-постовой службы на добровольные народные дружины. Дело в том, какой порядок правоохранительные структуры должны охранять.

Автономец

БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ

Что нужно сделать, чтобы тебя
услышали

19 января 2009 года в Москве были убиты наши друзья: адвокат Станислав Маркелов и журналистка Анастасия Бабурова. Убийца расстрелял их из пистолета, когда они возвращались с пресс-конференции, посвященной освобождению полковника Юрия Буданова, изнасиловавшего и убившего чеченскую девушку Эльзу Кунгаеву. В лице Стаса мы потеряли редкого для России публичного интеллектуала и гражданского активиста от юриспруденции, который брался за самые неподъемные дела против государства — и выигрывал их. Настя — талантливая журналистка, анархистка, участвовавшая во многих протестных акциях и общественных инициативах — сотрудничала с «Новой газетой», освещая активность неформальных молодежных движений, уличные акции, митинги, судебные заседания. Эти самоотверженные люди делали много хорошего и нужного для других, и чем дальше, тем становится заметнее, как сильно нам их не хватает, особенно в человеческом смысле.

Встреча

Вечером 20 февраля анархисты и антифашисты Москвы провели марш памяти Стаса и Насти. Начать акцию удалось не сразу: сначала, когда все собирались в сквере перед Большим театром, откуда ни возьмись, появились ОМОНовцы и набросились на людей, стоявших небольшими группами. Как всегда, доблестные сотрудники ничуть не заботились о том, кого именно задерживают: сквер у Большого театра вообще-то является традиционным местом встречи для очень многих жителей Москвы. Задержания проходили в жесткой форме, людей грубо валили на землю. Так было задержано 15-20 человек.

Кстати, опытным путем удалось выяснить, что стая голодных бездомных собак и толпа ОМОНовцев во многом схожи в своем поведении. Известно, что собака бежит только за тем, кто от нее убегает. Так же и ОМОН. Автор данного текста обнаружила это, стоя лицом к ОМОНу с баннером в пакете и наблюдая, как слева и справа с ветерком пролетают туши в камуфляже, приговаривая: «Работаем!» (Между прочим, эксперимент удался и на другой акции, спустя несколько месяцев).

После атаки милиции те, кто не был задержан, спустились в метро «Охотный ряд». И тут ситуация повторилась: видимо, ОМОН прятался за колоннами. Задержали они 7-8 человек. Наша группа благополучно уехала на вовремя подъехавшем поезде.

Метро «Новокузнецкая». Разворачиваем баннеры, зажигаем файеры и выходим на Пятницкую. Дойдя до реки, поворачиваем, идем вдоль набережной и потом на Большую Ордынку. Скандируем: «Пока мы едины, мы непобедимы!», «Антифа!», «Выйди на улицу, верни

Начать акцию удалось не сразу: сначала, когда все собирались в сквере перед Большим театром, откуда ни возьмись, появились ОМОНовцы и набросились на людей, стоявших небольшими группами.

себе город!», «Стас должен был жить!», «Настя должна была жить!», «Фашисты убивают, власти покрывают!».

Впереди виднеется здание метро «Третьяковская». По ходу шествия с разных сторон периодически слышался грохот: кто-то атаковал окна и витрины попадавшихся на пути банков. «Макдаку» у «Третьяковской» тоже досталось — в витрину полетело металлическое мусорное ведро.

В метро, при реализации права на бесплатный проезд, несколько человек были задержаны оккупантами в сером. Остальные демонстранты скрылись под градом плафонных осколков. Кстати, первый плафон разбил именно серый оккупант, пытаясь схватить одного из участников акции — после этого осколки полетели фонтаном.

Когда появились первые публикации о шествии, Интернет быстро наводнился страницами комментариев, одной из главных тем которых стал вопрос «Бить или не бить?». Витрины и плафоны. Вопрос много раз поднимался и в офф-лайн-обсуждениях. Однозначного ответа на него нет до сих пор, но давайте попробуем разобраться.

Разрушение

Мы живем в стране, где постоянно происходят нападения на общественных активистов, убийства антифашистов, где так называемые «правоохранители» пытаются людей в своих берлогах, не выполняют собственные законы и, объективно, творят беззаконие гораздо более серьезное, чем все активисты вместе взятые. Нападение на человека с активной гражданской позицией и даже его убийство становится настолько обычной ситуацией, что, в общем-то, должно быть страшно.

Думающим и равнодушным людям страшно. Они ищут пути выхода из этого, в то время как большинство, такое ощущение, смирилось с ситуацией. Зачем выходить на улицы, когда все равно ничего не добьешься? Зачем рисковать? Зачем высовываться? Примерно так мыслит большинство «интернет-балаболов» и прочих либералов. Примерно так мыслят люди, которые умудрились дойти до того, что разбитая витрина и чья-то собственность их заботит больше, чем смерть человека.

Таких не назовешь равнодушными — они вроде как реагируют на события, происходящие рядом с ними. Но от того, что они выставляют «проблемой номер один», передергивает.

Если в Европе убивают активиста, то горят города. А когда в России стреляют в адвоката и журналистку, находится только 200 человек, способных на равноцен-